

УДК 179.3

Виктория Валерьевна Павлова*аспирант 2-го года обучения каф. философии культуры
Белорусского государственного университета***Viktoria Pavlova***2-nd Year Postgraduate Student of the Department of Philosophy of Culture
of Belarusian State University
e-mail: phs.pavlovaVV2@bsu.by*

ПРАКТИКИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ОБРАЩЕНИЯ С ЖИВОТНЫМИ КАК ИСТОЧНИК НРАВСТВЕННЫХ НОРМ

Осуществляется этическое исследование практик индивидуального обращения с животными. На примере двух их типов (частного владения и ситуации личной встречи) раскрываются нравственные предпосылки взаимодействия человека и животного, имманентно содержащиеся в самой практике. Анализ практики показал, что при индивидуальном контакте с человеком животное становится участником межсубъектных отношений и неизбежно обретает новый нравственный статус. Сама практика индивидуального обращения с животными может быть источником нравственных норм, не нуждающихся в обязательном этико-философском обосновании.

Ключевые слова: этика отношения к животным; социальная практика; межсубъектные отношения.

Individual Animal Treatment Practices as a Source of Moral Standards

The article is devoted to the ethical study of the practices of individual treatment of animals. Using the example of their two types (private ownership and a personal meeting situation), the moral prerequisites for human-animal interaction, immanently contained in the practice itself, are revealed. The analysis of practice has shown that in individual contact with a person, an animal becomes a participant in intersubjective relations and inevitably acquires a new moral status. The practice of individual treatment of animals can be a source of moral norms that do not need a mandatory ethical and philosophical justification.

Key words: animal ethics; social practice; intersubjective relations.

Введение

Этика отношения к животным на сегодняшний день имеет богатый опыт философского осмысления, представленный трудами, ставшими классикой темы (П. Сингер, Р. Райдер, Т. Реган, Г. Спира и др.). С точки зрения *этико-философской теории* этика отношения к животным имеет множество подходов, где в рамках одной теории случаются неразрешенные противоречия. С точки зрения *прикладной этики* взаимодействие с животными реализуется в практиках обращения с животными, где имманентно складываются адекватные ситуации действенные нормы, проверенные опытом. Идею обратиться к рассмотрению практик при формировании этики отношения к животным высказывали С. Андерсон [1], Д. Фрейзер [2], Р. Ринг [3], о социальных аспектах взаимодействия человека и живот-

ных писали А. В. Никольская [4], Н. Е. Татаркина [5], через призму прав рассуждал о положении животных В. Е. Борейко [6] и др. Актуальность данной статьи обусловлена тем, что изучение практик, затрагивающих животных, позволит выявить нравственные основания, укорененные в типичных ситуациях индивидуального обращения с животными и формирующие тем самым этическое отношение к ним.

Индивидуальное обращение с животным представляет собой весьма широкое и разнообразное по содержанию поле практических ситуаций, в результате чего диапазон действий по отношению, например, к кролику или ястребу может простирается от полной защиты до полного истребления. Поэтому этическая сторона индивидуального взаимодействия с животным может широко варьироваться, включать полярные поступки, которые при этом считаются равно этическими. В условиях подобного многообразия способов поведения очевидна необходимость прояснения нравственных требований к взаимодействию животных и

Научный руководитель – Елена Валерьевна Беляева, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии культуры Белорусского государственного университета

человека, построенных на основе обоснованных этических и правовых положений.

Однако между различными теориями взаимодействия человека и животных наблюдается соперничество за ведущую роль в регулировании практики. При этом независимо от постулатов этических теорий каждая конкретная ситуация диктует свое «правильное» обращение с конкретным животным, а теоретически обоснованные нормы носят преимущественно рекомендательный характер. «Многое в соблюдении моральных прав животных также зависит и от того, где животные находятся. Разумным будет предположить, что в жилище человека моральные права диких животных должны быть ограничены в большей степени, а, например, в заповеднике, наоборот, будут ограничены моральные права человека. Но даже в этой ситуации предпочтения не всегда будут однозначны» [6, с. 4].

Таким образом, цель данного исследования состоит в доказательстве того, что практики индивидуального обращения с животными могут рассматриваться как самостоятельный источник нравственных норм.

Основная часть

В поле практик индивидуального этического отношения к животному последнее имеет философский статус онтологического Другого [7]. Животное представляется иной субъективной формой жизни, почти «личностью», с характером, привычками, предпочтениями и способами их выражения. Взаимодействие происходит не с видом, а с особью, происходит индивидуализация животного по аналогии с пониманием другого человека. Животному как Другому свойственны не только собственные интересы, ему присущи и собственные внутривидовые способы коммуникации, стиль взаимоотношений с другими животными, миром и людьми. Р. Ринг также утверждает, что «некоторые группы животных могут иметь нормативные системы, и это подтверждается их коммуникативными практиками и социальными практиками» [3, с. 80]. Это поведение животного интерпретируется на человеческий манер, что, с одной стороны, приводит к искажению восприятия и «очеловечиванию» животного; с другой стороны, в одностороннем порядке человеком же навязывается человеческий способ комму-

никации, который животное при наличии необходимых когнитивных способностей может принять (например, реагировать на речь и жесты, которые сами животные не используют). В этом контакте человек и реализует этику обращения с животным.

Поскольку животное в этом типе практик рассматривается в своей единичности и уникальности, то за ним признается способность до определенной степени понимать, изъясняться, играть, проявлять эмоции и т. д. Чем большую автономность, самостоятельность, характерность демонстрирует животное, тем более значимым с точки зрения этики оно оказывается. Должное по отношению к индивидуализированному животному, с которым налажен личный контакт, формируется индивидуально по аналогии с должным по отношению к другому человеку в схожих обстоятельствах. Любое другое животное, с которым человека не связывают эмоциональные отношения, не является лично важным и может игнорироваться либо эксплуатироваться без морального самоосуждения.

Среди индивидуальных практик можно выделить два основных типа нравственного взаимодействия с животным: практика частного владения (опекунства) и личные ситуативные встречи с животным, не являющимся чьей-то собственностью.

Частное владение подразумевает самостоятельно и добровольно принятую человеком ответственность за животное (таков общепринятый способ содержания домашних питомцев) или юридически закрепленное владение животным как собственностью (например, содержание приобретенного животного в качестве финансового актива). В первом случае человек добровольно принимает ответственность за жизнь, благополучие и поступки животного и может проинформировать об этой ответственности окружающих каким-либо способом. Например, распространенным и принятым маркером опеки над животным является ошейник. Оформлять ли документально ответственность за животное (т. е. информировать государство об этих отношениях через ветеринарный паспорт, добровольную регистрацию животного в администрации и т. д.), решает его опекун. Во втором случае речь уже идет не столько о демонстрации ответ-

ственности, сколько о юридически закреплённом праве собственности.

В частном владении официально могут находиться не все виды животных, поскольку правила и условия совместного проживания с животным накладывают дополнительно свои бытовые ограничения. На этой основе сформировалось устойчивое представление о категории домашних животных. Содержание домашних животных многими считается естественным или даже необходимым. Традиционно живущие с человеком кошки и собаки приносят своим хозяевам не только радость, но часто также и практическую пользу, не требующую при этом от них особых усилий и не приносящую животному вреда. Зачастую при разговоре о защите животных либо при упоминании о нравственном поведении в отношении животных подразумевают именно домашних животных, выделяя их в особую привилегированную категорию, и считают их статус в иерархии выше, чем у других животных. При этом в качестве домашних питомцев рассматривают в первую очередь высших млекопитающих, игнорируя другие виды. По отношению к домашним животным аморальным и неприемлемым будет считаться отказ от животного, недостаточная забота о нем, жестокое обращение. В то же время на человека возлагаются дополнительные моральные обязанности: помимо непосредственной заботы о благополучии животного, необходимо обеспечивать безопасность других людей или животных при контакте.

Межсубъектные отношения между частным владельцем и его питомцем, построенные на добровольном принятии ответственности и вне зависимости от наличия в них юридической составляющей, как правило, строятся на любви, гуманности и заботе. Они регулируются не с помощью этической теории, а с помощью таких добродетелей, как забота и сочувствие [2], где каждый участник полагается на активность своего партнера и не рассматривает его как объект [4]. Статус животного-Другого в таких отношениях ставится вровень с положением человека-Другого и имеет аналогичную динамику. То есть по отношению к животному-Другому человек способен испытывать стыд, вину, долг, применять категорию справедливости, добра и т. д. В ре-

зультате такие животные способны обеспечить чувство комфорта и эмоциональную поддержку, вернуть современному городскому жителю утраченную «онтологическую безопасность», стать объектами любви и взаимной зависимости, замещая отношения с людьми по мере того, как последние становятся все более отчужденными [5, с. 31]. Обратной стороной такой глубины нравственной чувствительности может стать сильное искажение представлений о животном и чрезмерное его очеловечивание. В этом типе отношений этика не просто позволяет, но и в некоторой мере настаивает на повышении статуса животного, пытаясь приравнять его к человеческому.

Этико-правовая ситуация с домашними животными двояка. С одной стороны, человек ущемляет права животных на свободу от человеческого вмешательства: люди обладают властью над животными в том смысле, что контролируют или пытаются контролировать их места обитания, образ действия, распорядок и питание и т. д. Даже домашняя собака, вышедшая из-под нашего контроля, очень пугает. С другой стороны, без человека многие животные не выжили бы вовсе. Кроме того, «содержание животных является одним из немногих видов деятельности, с помощью которого люди могут предоставить животным значительные преимущества, такие как кров, питание, защита, дружеское общение, медицинское обслуживание и безболезненная смерть, все это способствует их высокому качеству жизни» [2, с. 13].

Несколько иное нравственное наполнение может быть у отношений и обращения человека с животным, оформленных как законное индивидуальное владение. Поскольку фундаментом такого рода отношений является право собственности человека (владельца) на животное, закреплённое на законодательном уровне, подобное положение позволяет легально эксплуатировать животное. Однако если животное-собственность одновременно рассматривается хозяином как животное-Другой и между ними выстроены нравственно ориентированные межсубъектные связи, то именно они будут доминировать при принятии решений в любых ситуациях взаимодействия.

Животное как личная собственность может выполнять инструментальную функ-

цию и тем самым являться ценным активом для своего владельца. Например, быть индикатором социального и экономического статуса владельца («Могу себе позволить содержать редкое и экзотичное животное»). Можно не любить крупных собак, но содержать их для охраны, либо быть владельцем представительного выставочного животного, приносящего престиж и иной символический капитал, либо использовать собственных сельскохозяйственных животных как продаваемую «рабочую силу». Статус Другого раскрывается здесь через уникальность и специфичность объекта владения – это одушевленная вещь, требующая к себе особого отношения и отличная от любой другой аналогичной вещи-животного, выполняющей ту же функцию. В отличие от животного-ресурса владелец формирует к животному-вещи собственное персональное отношение, близкое к рабочему отношению руководителя и подчиненного – нравственное отношение здесь обеспечивается добросовестностью исполняемой функции и беспроblemностью содержания и эксплуатации.

Как этико-правовая социальная практика частное владение не столько покушается на свободу и независимость животного, сколько является источником зарождения этих представлений: только при близком соседстве со значимым животным из-за его очеловечивания и переноса на него собственных представлений о морали возможно формирование иллюзии, что у животного есть потребность в свободе. Поэтому требование для животных более высокого правового статуса видится справедливым в силу того, что моральный статус животного и его ценность практически соответствуют статусу близкого друга или члена семьи, т. е. другого человека, которому права изначально полагаются по закону.

Таким образом, частное владение как социальная практика реализует этику отношения к животным, которая в качестве этико-философского знания может концептуализироваться, как на базе этики блага (любовь к своему животному; благо хозяина невозможно без блага питомца), так и на базе этики заботы (забота об интересах эмоционально значимого для нас животного важна и нужна), а также на базе этики долга (собственность налагает обязанности заботиться о ее сохранности). В этой области этика

отношения к животным реализуется как этика межсубъектных отношений на основе индивидуального морального сознания и не опирается на деятельность социальных институтов. Практика частного владения животными стала источником таких этических установок, как антропоморфизация животных, наделение их поступков и чувств нравственной составляющей, осуждение правового закрепления животных в виде собственности человека как аморального, утверждение ценности каждого животного в его единичности и уникальности, а не как представителя вида, доброжелательное отношение к животному, как к человеку.

Второй вид индивидуальных практик возникает в ситуации личной встречи (столкновения) человека и животного, не являющегося чьей-либо собственностью. Это может быть, например, встреча с диким животным, бродячим, попавшим в беду либо, наоборот, представляющим угрозу. Вне зависимости от того, искал ли человек этой встречи либо она произошла случайным образом, сам опыт личного контакта с животным морально ощущается схожим образом, как если бы этот контакт произошел с примечательным человеком. Животное-Другой в своих характеристиках схоже с человеком-Другим: оценивается его намерение, поведение, физическое состояние, уместность взаимодействия с ним в конкретной случившейся ситуации и нравственный смысл этой встречи.

Личный контакт с независимым животным-Другим – это эмоциональное, эстетическое и нравственное впечатление, сопровождаемое, как правило, удивлением, настороженностью, любопытством или страхом. Для человека это полноценно переживаемое и насыщенное событие. Примечательно, что среди наиболее распространенных реакций со стороны человека на животное (если оно не представляет опасности в этот момент) можно выделить желание тактильного контакта и стремление угостить животное какой-нибудь едой. То есть это вполне доброжелательные интенции, имеющие позитивные нравственно окрашенные мотивы: проявить заботу, уделить или привлечь внимание, попытаться наладить коммуникацию.

Противоположные реакции страха, опасения тоже специфичны по отношению

к животному. Интуитивные представления об угрозе (реальной либо вымышленной) со стороны животного гораздо больше наполнены ощущением неизбежности. Угроза, исходящая от человека, разумного и мотивированного Другого, оставляет надежду на ненасильственное или договорное разрешение конфликта. Опасные события вроде аварий, стихийных бедствий или угрозы серьезной болезни не имеют персонификации, зато имеют социальные, государственные, технические и иные механизмы противостояния этим угрозам и помощи пострадавшим. Прямая же угроза, исходящая от самостоятельного и независимого животного, инициируется и контролируется самим животным. В результате человек оказывается в экзистенциальной ситуации негативных переживаний и позиции скорой жертвы. Внезапно абстрактное представление о животном заполняется видом, запахом и звуком угрожающего существа, приобретает его черты, становится материальным и конкретным. Животное, которое ранее, быть может, абсолютно не было интересно ни в своей единичности, ни как объект фауны, неизбежно приобретает значимые черты Другого, пусть и с негативными коннотациями. Возможный диапазон реакций при этом может быть столь же широк и наполнен, как и взаимодействие с человеком, а наиболее универсальный и доступный сценарий поведения в этой ситуации – это *соблюдение норм этикета*.

Согласно правилам поведения в обществе с незнакомыми людьми желательным является уважительное отношение к другому человеку. На отношения с животным-Другим естественным образом проецируется аналогичное поведение, но реализуется оно иными методами. Уважение и вежливость по отношению к незнакомому представителю другого вида может состоять в том, чтобы не беспокоить его и не доставлять дискомфорта. Можно отметить, что этим же правилом негласно пользуются сами животные разных видов, исполняя его, конечно же, не как «этикетное», но все же обоснованное собственными соображениями и ощущениями безопасности, психофизиологическим состоянием и поведенческими особенностями. Например, можно вспомнить реакции встретившихся на прогулке незнакомых друг с другом собак либо пове-

дение травоядных животных разных видов у подкормочных яслей и водопоя. Вероятно, многим знакома ситуация, когда кошка учит своих котят правилам поведения в доме, которые усвоила сама (не залезать на стол, не точить когти о мебель и т. п.); так она стремится сохранить сложившуюся культуру поведения и комфортные добрососедские отношения с человеком.

Поэтому есть основания полагать, что и с точки зрения человека, и с точки зрения животного-Другого этичным будет взаимодействие на основе соблюдения этого «общего этикета», где участниками одновременно являются несколько самостоятельных и независимых субъектов практической ситуации. «Общий этикет» включает в себя интуитивное понимание легитимности собственных действий и реакций, например, понимание того, кто собственник территории или кто потенциально имеет поддержку от других Других. *Чтобы сохранить во взаимоотношениях человека и животного в рамках рассматриваемой практики этичность, доступную всем сторонам, наиболее уместным представляется такое отношение человека к животному, которое продемонстрирует в аналогичной ситуации неголодное животное другого вида.* Такой рекомендательный подход с наибольшей вероятностью сохранит баланс интересов каждой стороны и может быть обоснован как с точки зрения морали (со стороны человека), так и с точки зрения естественной прагматики поведения (со стороны животного).

Практика личной ситуативной встречи с животными закрепляет этическое представление о животном как о самостоятельном и независимом субъекте нравственных взаимодействий, основанное на изначальном уравнивании статусов всех участников ситуации.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что, во-первых, индивидуальное обращение с животным как особый вид социальных практик и в варианте частного владения, и в варианте личной ситуативной встречи строится как межсубъектные отношения: человек и животное выступают как субъекты моральной коммуникации. В качестве этического обоснования здесь могут использоваться как

этико-философские концепции (этика блага, этика заботы, этика долга), так и общепринятые социальные нормы поведения. Кроме того, в определенных ситуациях известные правила этикета оказываются равно применимы как по отношению к другому человеку, так и по отношению к животному.

Во-вторых, практика индивидуального обращения с животными представляет собой самостоятельный источник нравственных норм по отношению к животным, имманентный повседневной жизни. Поведение человека как носителя морального сознания по отношению к конкретному лично встреченному животному реализуется на схожих нравственных основаниях, что и поведение в такой же ситуации при встрече с другим человеком. Это свидетельствует о том, что в определенных практических ситуациях нравственное взаимодействие с животным не нуждается в дополнительных этических регуляторах. Напротив, принуждение к этичному отношению к животным через, например, нормы закона либо через эмоциональную манипуляцию может обеспечить лишь формальную сторону поведения и, скорее

всего, негативно отразится на ключевом моменте – отношении к животным как участникам нравственной коммуникации.

В-третьих, личный контакт с независимым животным неизбежно влечет за собой нравственный отклик у человека как субъекта морали, независимо от того, какое отношение и ожидание имел человек по отношению к животному до этой встречи. Новый опыт способен принести как положительные, так и отрицательные впечатления, однако он становится источником нравственной реакции на одушевленного субъекта. А значит, конкретное животное в конкретный момент личного с ним столкновения независимо от намерений человека встраивается в нравственное поле отношений в новом статусе. Поэтому в этике отношения к животным есть основание более подробно рассмотреть подход «от практики к теории»: выделить и изучить наилучшие варианты практического обращения с животными в различных областях, чтобы понять, на каких универсальных нравственных основаниях оно строится.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Anderson, S. Animal ethics between theory and praxis. Exploring differential ethical standards toward wildlife / S. Anderson // Master's thesis in program of Environmental Communication and Management. – Uppsala, 2016. – 38 p.
2. Fraser, D. A «Practical» Ethic for Animals / D. Fraser // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. – 2012. – Nr 25 (5). – P. 721–746.
3. Ring, R. The Moral Agency Of Animals : Responsible In Practice / R. Ring // A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts; [Graduate Program in Philosophy York University]. – Toronto, 2014. – 95 p.
4. Никольская, А. В. Социальные аспекты взаимодействия человека с домашними питомцами как копинг-стратегии / А. В. Никольская // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Акмеология образования. Психология развития. – 2015. – № 1 (13). – С. 79–83.
5. Татаркина, Н. Е. Есть нельзя любить: ситуативная этика в отношении к животным (на примере сотрудников австрийского убежища для животных) : магистер. дис. по направлению подготовки : 46.04.03 – антропология и этнология / Н. Е. Татаркина. – Томск, 2021. – 117 л.
6. Борейко, В. Е. Родерик Нэш и моральные права природы / В. Е. Борейко. – Киев : Киев. экол.-культур. центр, 2001. – 102 с.
7. Павлова, В. В. Место и роль философского подхода в этике отношения к животным / В. В. Павлова // Науч. тр. Респ. ин-та высш. шк. Филос.-гуманитар. науки. – Минск, 2023. – Вып. 22. – С. 202–208.

REFERENCES

1. Anderson, S. Animal ethics between theory and praxis. Exploring differential ethical standards toward wildlife / S. Anderson // Master's thesis in program of Environmental Communication and Management. – Uppsala, 2016. – 38 p.

2. Fraser, D. A «Practical» Ethic for Animals / D. Fraser // Journal of Agricultural and Environmental Ethics. – 2012. – Nr 25 (5). – P. 721–746.
3. Ring, R. The Moral Agency Of Animals : Responsible In Practice / R. Ring // A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfillment of the requirements for the degree of master of arts; [Graduate Program in Philosophy York University]. – Toronto, 2014. – 95 p.
4. Nikol'skaja, A. V. Social'nyje aspiekty vzaimodiejstvija chielovieka s domashnimi pitomcami kak koping-strategii / A. V. Nikol'skaja // Izv. Sarat. un-ta. Nov. sier. Sier.: Akmieologija obrazovanija. Psikhologija razvitija. – 2015. – № 1 (13). – S. 79–83.
5. Tatarkina, N. Ye. Jest' niel'zia liubit': situativnaja etika v otnoshenij k zhivotnym (na primerie sotrudnikov avstrijskogo ubiezhishcha dlja zhivotnykh) : magister. dis. po napravlienu podgotovki : 46.04.03 – Antropologija i etnologija / N. Ye. Tatarkina. – Tomsk, 2021. – 117 s.
6. Boriejko, V. Ye. Roderik Nesh i moral'nyje prava prirody / V. Boriejko. – Kijev : Kijev. ekol.-kul'tur. centr, 2001. – 102 s.
7. Pavlova, V. V. Miesto i rol' filosofskogo podkhoda v etike otnoshenija k zhivotnym / V. V. Pavlova // Nauch. tr. Risp. in-ta vyssh. shk. Filos.-gumanitar. nauki. – Minsk, 2023. – Vyp. 22. – S. 202–208.

Рукапіс надіслано у редакцію 31.03.2024